

Мюллер-Лиер Франц Карл

**Формы брака, семьи и
родства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф82

Ф82 **Франц Карл М.**
Формы брака, семьи и родства / Мюллер-Лиер Франц Карл – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 82 с.

ISBN 978-5-519-98398-3

ISBN 978-5-519-98398-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Социология воспроизведения человека, или, как мы предпочитаем говорить для большей краткости, «генеономия», охватывает историю развития любви, брака, семьи, наследования, полового отбора, воспитания, отношений родства и т. д. Эта область настолько обширна и по своему составу и своим связям, настолько переплетается с другими областями культуры, что изложение ее приходится разделить на три части:

Первая (предлагаемая теперь) часть: «Формы брака, семьи и родства», должна познакомить нас прежде всего с теорией генеономических форм (морфологией) и дать нам возможность с ясными понятиями приступить к изучению генеономии.

Далее, вторая часть, которую я называю «Семья», будет попыткой обрисовать в целом всю последовательность генеономических фаз. И, наконец,

в третьей части: «Фазы любви» и т. д., это целое должно быть расчленено, и каждая отдельная область генеономии должна трактоваться отдельно (см. содержание томов «Семья» и «Фазы любви»).

Для того, чтобы облегчить понимание генеономии для тех читателей, которые не знакомы с появившимися до сих пор томами «Ступеней развития человечества», я позволю себе в нижеследующем «Введении» еще раз в немногих словах резюмировать сказанное и подробнее изложенное в упомянутых томах.

Мюнхен, апреля 1911 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

Культура есть процесс развития, т.-е. движение, которое переходит от простых и низших форм к сравнительно сложным и высшим формам.

Начиная с мелких и незаметных исходных пунктов, человечество в ходе тысячелетий и даже сотен тысячелетий мало-по-малу поднималось до все более высоких ступеней культуры. Земля, усеянная теперь приветливыми деревнями и городами, полями, пашнями и садами, путями и линиями дорог, в темные первобытные времена была покрыта девственными лесами, болотами, дикими пустошами и пустынями. Здесь те и обитали наши предки; распадавшиеся на обособленные стада или орды, они вели совершенно звероподобную бродячую жизнь. Не зная земледелия и скотоводства, они питались дико-растущими растениями и животными, добываемыми охотой,—питались, поскольку это им удавалось. Жили они под открытым небом или в пещерах и в нескончаемых схватках вели борьбу за существование против хищных животных и себе подобных.

Но мало-по-малу орды соединялись в племена, потом племена в народы, народы в государства, государства в свою очередь в союзы государств и крупные государства,—и теперь почти все народы земного шара посредством мировой торговли соединяются в единую великую трудовую организацию.

По мере того, как человечество таким образом шаг за шагом переходило к новым и новым группировкам, характеризующимся возрастающей организованностью и силой, каждое поколение становилось учителем следующего, и из завоеваний культуры накапливалось все более колоссальное богатство. Люди создавали язык, являющийся истинным носителем культуры; они делали орудия разного рода и подчиняли себе огонь. Потом дойдя до скотоводства и земледелия, они тем самым открыли для себя искусственные источники питания. Далее, они перешли к добычанию и переработке металлов, скрытых в недрах земли, они доработались своей мыслью до религий, искусств и наук; из разделения труда они развили мощную систему сов-

местной деятельности; они остроумно создали машины разного рода и, таким образом, научились подчинять внешнюю природу, т.е. заставили ее служить человеческим целям.

Но этот великий процесс преобразования всего, что связано с человечеством, — процесс, который мы называем культурой, — протекал подавляюще огромную часть своего пути таким образом, что человек не имел о нем и отдаленнейшего представления. Это величие было слишком огромно для того, чтобы человек мог охватить его при своём узком кругозоре. Медленное развитие культуры, незаметное для мимолетно короткой индивидуальной жизни, оставалось столь же сокрытым от его восприятий, как тот бешеный полет, который он совершает вокруг солнца на своем обиталище, на земле.

ОСОЗНАНИЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ.

Но вот в конце XVIII века, с возникновением абстрактной науки о культуре, наступил великий момент в истории человечества: культурное развитие переступило через порог человеческого сознания ¹⁾. Человек познал, что история его рода представляет не какую-либо беспорядочную последовательность случайных событий, а является «развитием», т.е. движением, совершающимся по определённым законам.

С этим познанием наступил поворот, чреватый неоценимыми результатами, поворот, все значение которого еще и теперь не понято хотя бы только приблизительно: если культурное развитие до этого поворотного пункта протекало вне человеческого сознания, как бессознательный естественный процесс, подобно развитию растений и животных, то отныне это движение пойдет дальше своей дорогой в свете человеческого сознания. Если раньше человек противостоял движению культуры, как какой-то неведомой силе, которая посредством невидимых нитей направляет судьбу человеческого рода, то теперь перед его неусыпным духом открывается надежда все с большей целесообразностью и планамерностью вмешиваться в познанное движение и, наконец, приобрести господство над культурным развитием, которому он до того времени, обретаясь в потемках существования, направляемого инстинктом, должен был подчиняться, как слепому року.

Колоссальная энергия, действующая в мозгах многомиллионного человечества, не вечно будет раздробляться в мелких и отчасти взаимно противоположных действиях; просветленная социологическим пониманием, на высшей ступени культуры, она должна сконцентрироваться в едином великом организованном творении, мощь которого теперь, на первых ступенях мирового хозяйства, мы едва можем предчувствовать.

¹⁾ Подробнее см. в «Der Sinn des Lebens» отделы II и IV.

СОЦИОЛОГИЯ.

Но для того, чтобы человеческий дух мог подчинить себе культурное движение, оно должно быть прежде всего познано.—Победоносное естествознание дает нам здесь ценные указания. Человек научился подчинять себе природу таким способом, что он сначала ее исследовал; и в той самой мере, как естествознание познавало законы природы, человеческая воля могла овладевать силами природы и заставлять их служить себе.—Но ведь культура движется вперед не игрою случая (как зачастую все еще предполагают), а прогрессирует, подобно развитию вообще, в соответствии с внутренней логикой. Так, например, только после того, как уже существовала таблица умножения, можно было изобрести логарифмы и дифференциальное исчисление; сначала надо было построить телегу, и лишь из нее мог развиваться локомотив; разделение труда между полями прежде должно было приурочиться к естественному состоянию, и лишь потом последовало расчленение мужских профессий, а за ним дифференциация женщин; первоначально весь ход истории оставался неосознанным, носил грубый, зоологический характер, и лишь впоследствии он становится все более сознательным, приобретает человеческий характер и т. д., и т. д. Коротко говоря: не по слепой игре случая культура идет вперед; напротив, она развивается в определенном направлении, т. е. по определенным—и поддающимся определению—законам, и если мы в состоянии познать эти законы культурного развития, то мы сумеем и утилизировать их, и подчинить процесс культуры воле, руководящейся сознанием целей.

Наука, которая занимается тем, чтобы установить направление культурного движения и вообще исследовать закономерность развития культуры, есть наука о культуре, или, по терминологии ее основателя Огюста Конта († 1857), социология, или наука об обществе. Так как культура есть продукт человеческого общества, так как она возникает из общественных взаимоотношений между индивидуумами, то оба термина равнозначны. Недавно Вильгельм Оствальд предложил даже перекрестить социологию в «культурологию». Хотя этот термин вполне подходящий, однако мы предпочитаем остаться при старом термине социология, так как он уже получил право гражданства во всем мире.

Как уже сказано в другом месте ¹⁾, под культурой мы разумем «совокупность всех тех приобретений и завоеваний, которые человеческое общество, начиная с своих первых ступеней, сделало в мате-

¹⁾ „Phasen der Kultur“, стр. 3.

риальной и духовной области, в области знаний и умений, нравов и обычаев, во всей своей деятельности и проявлениях жизни» (Тэйлор). Во многих случаях, особенно популяризаторы, все еще смешивают понятия «культура» и «цивилизация» или же неправильно устанавливают между ними противоположность. Культура и цивилизация, это — не какие-нибудь раздельные области, — части чего общего? Напротив, цивилизация представляет последний до настоящего времени отдел всего культурного развития, т.-е. это — культурная эпоха государственной жизни, примыкающая к «варварству», точно так же, как это последнее следовало за эпохой «дикости». Итак, протекавшие до настоящего времени эпохи культурного развития следующие:

- I. Дикое состояние,
- II. Варварство и
- III. Цивилизация ¹⁾.

Все культурное развитие в свою очередь является отделом по отношению к более широкому движению, которое, как мы знаем со времен Ламарка и Дарвина, представляет продолжение органического (т.-е. растительно-животного) развития; однако не продолжение, однородное с предшествующим развитием, а высший и особый вид развития, основывающийся на совместной деятельности мыслящих и обладающих даром речи существ. В самом деле, если мыслящие существа посредством языка вступают во взаимодействие, то прогрессирующий человеческий дух создает такие явления высшего порядка (механика, мораль, право, наука, искусство, религия, философия и т. д.), которые чужды органической жизни. Поэтому культуру можно характеризовать также (следуя за Гербертом Спенсером), как надорганическое развитие ²⁾. Из этого же вытекает следующее определение понятия:

Социология есть наука о закономерностях человечески-культурной или (что то же самое) сверхорганической жизни.

Как астрономия, физика и химия должна исследовать законы неорганического («безжизненного»), биология — законы органического (растительного и животного) царства, так социология должна исследовать закономерности надорганического царства. — Следовательно, положение социологии в системе наук не оставляет желать ничего большего со стороны ясности. — Несмотря на то, между отдельными учеными возникали, чего нельзя замалчивать, бесконечные и отчасти довольно-таки бесполезные споры относительно понятия социологии. Более того: в последнее время сделаны были даже попытки попросту устранить посредством определений или разнять на отдельные

¹⁾ Подробнее см. в „Phasen der Kultur“, стр. 76, 326.

²⁾ Подробнее о понятиях «органическое» и «сверхорганическое» см. в «Sinn des Lebens», стр. 66—70; 119; 216.

члены эту новую науку, которая кое-кому оказалась столь неудобной. Однако в основе и таких споров имеется глубокий смысл. Каждая новая наука может возникнуть лишь из борьбы. Для того, чтобы древо познания пустило глубокие корни, оно нуждается не только в солнце спокойного труда: необходимо, кроме того, чтобы его крону потрясали бури сомнения, смятений и разрушения, которые должны смести все, что не сильно и не жизнеспособно.

ЗАТРУДНЕНИЯ.

Борьба за социологию обострялась одной трудностью, которой не знает естествознание. Если естествоиспытатель исследует хоботок пчелы или раскрывает закон преломления света, его направляет только одна идея: дойти до объективной истины; во всем остальном его воля не диктует никаких желаний по отношению к объекту исследования, и его разум может совершать научную работу, хладнокровно взвешивая и не испытывая уклонений, вызываемых какими бы то ни было влияниями со стороны воли.

Дело с социологическим познанием, к сожалению, обстоит иначе. Объект социологии—человечество; а все человеческое воздействует на состояние духа; она говорит о нациях, об индивидуумах, расслоенных на классы, и таким образом она возбуждает национальное чувство, классовый и партийный дух, а косвенно—и частные интересы. И притом подобное воздействие воли на рассудок по большей части осуществляется совершенно бессознательно: ведь у человека есть бессознательная склонность верить в то, во что ему хотелось бы верить, и внушения воли совершаются столь незаметно и, несмотря на то, они столь глубоки, что рассудок лишь в тяжелой борьбе может преодолеть эти сбивающие его влияния.

И, далее, все мы—дети своего времени; все мы страдаем столь злосчастной для социологической науки ниноскопией, т.-е. склонностью рассматривать прошлое и будущее через очки настоящего и людям иных ступеней культуры приписывать идеи, мысли и чувства, которые в действительности можно признать обычными лишь для нашего времени.

Итак, существует опасность, что социологическое познание будет затемнено и отчасти фальсифицировано национальными, социальными, половыми, моральными, религиозными, партийно-политическими и другими предрассудками, которые опутывают исследователя без его ведома и вопреки его воле. Такая же социология, которая за исходную точку берет подобные предрассудки, очевидно, имеет еще меньшую ценность, чем полное отсутствие социологии; она приносит больше вреда, чем пользы.

„ФАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД“.

Однако, эти рассуждения не должны отнимать у нас мужество. История человеческого мышления показывает нам, что и те науки, которые теперь (как напр., астрономия, физика, химия, биология) стоят перед нами великие и победоносные, вначале должны были преодолеть бесчисленные и колоссальные препятствия. Мы обращаем внимание на трудности не для того, чтобы малодушно отшатнуться, а для того, чтобы уяснить задачу, подлежащую разрешению.

После сказанного, задача социолога заключается прежде всего в том, чтобы не иметь предвзятых суждений; или, как говорил Момсен, «без предпосылок приступить к отысканию истины».

Совершенное разрешение этой задачи всегда будет превышать силы отдельного человека; несмотря на то, думается мне, мы придем к пригодным результатам, если будем соблюдать следующие условия:

Во-первых, мы должны привлечь к рассмотрению фактический материал с возможною полнотою. Наука основывается на почтительном отношении к фактам. И в особенности те факты, которые более всего воздействуют отталкивающе на состояние нашего духа, которые первоначально вызывают в нас муку, досаду, мы должны рассмотреть с особенным спокойствием и хладнокровием и включить их в сферу нашего мышления¹⁾. И лишь после того, как не останется ни одного действительного факта, который представлялся бы нам неприятным, отталкивающим или необъяснимым, мы можем полагать, что поняли свой материал.

Во-вторых, весь фактический материал необходимо подвергнуть индуктивной переработке по определенному методу; по методу, который было бы возможно провести с такою строгостью и деловитостью, чтобы разум всегда сохранял способность каждый раз (почти машинально) резко и неумолимо пресекать влияние наших предвзятых мнений и желаний и, если не уничтожать наши задушевные волнения—это неосуществимо,—то заставлять их склоняться перед научным пониманием, совершенно подчиняться ему. Мы лишь при том условии правильно служим социологии, если на место *sacrificium intellectus* поставим *sacrificium voluntatis*.

Методом исследования, пригодным для таких целей, я считаю так называемый сравнительный метод естественных наук, который в его применении к науке о культуре я назвал «фазеологическим методом²⁾».

¹⁾ По совету Грациана: „Встречаясь с чем-либо желательным, ту же подяни узду своей веры, при встрече с чем-либо ненавистным, дай ей шпоры“

²⁾ Подробнее о методе см. в первой книге: «Der Sinn des Lebens und die Wissenschaft», стр. 22 и сл.

По этому методу вся область культуры прежде всего разлагается на отдельные главные части, важнейшими из которых являются следующие; хозяйство, семья, государство, язык, наука, религия, мораль, право и искусство.

В каждой из этих отдельных частей последовательный ход отдельных культурных явлений от древнейших времен и до наших дней разделяется на ряд стадий, или ступеней, или фаз.

Этим с самого начала вносится порядок в хаос фактов,—мы овладеваем нашим материалом. Потом, если мы, по правилам сравнительного метода, сравним отдельные фазы между собою, то мы откроем линии направления прогресса, т.-е. линии, которые проходят через все последовательные фазы и дают нам возможность познать направление, в котором движется культура.

А если изучение этих линий мы углубим исследованием тех причин, действие которых лежит в основе явлений культуры, тех социологических сил, которые воздвигли чудное здание культуры, тогда из линий направления получатся законы направления; т.-е. мы придем к познанию тех закономерностей, которым следует движение культуры.

ГЕНЕОНОМИЯ.

Итак, наш метод следующий: от социологических факторов (которые—таков идеал—должны бы охватывать все народы, все области земного шара и все эпохи) к фазам культуры, от фаз культуры к линиям направления прогресса, от линий прогресса к закономерностям развития культуры.

По этому методу в «Ступенях развития человечества» должны получить единообразную обработку все перечисленные выше важнейшие области культуры.

В первой книге: «Der Sinn des Lebens» («Смысл жизни»), мы дали попытку общей оценки значения социологии; после того в дальнейшей книге: «Phasen der Kultur und die Richtungslinien des Fortschritts» («Фазы культуры и линии направления прогресса»), мы изучили развитие хозяйства и пришли к установлению общего закона, именно закона обобществления труда; подобно тому, как закон тяготения подчиняет движение светил, так закон обобществления труда господствует над развитием хозяйства.—Но там задача существенно облегчалась благодаря тому, что важнейшие краеугольные камни отчасти уже заложены исследователями первобытной истории, экономистами и т. д. (Томсон, Ган, Мортилье, Гёрнес, Гильдебранд, Маркс, Зомбарт, Бюхер, Шмоллер и т. д.), и что, кроме того, мы могли опираться на науку, уже достигшую высокого развития, на политическую экономию.—Совершенно иначе складывается дело в той области, которую

предстоит разработать в предлагаемой и в двух следующих книгах. Согласно программе, изложенной раньше ¹⁾, такую же задачу, как прежде в области хозяйства, теперь нам предстоит разрешить по отношению ко второй группе социологических явлений: она охватывает все проявления жизни, связанные с сохранением вида, т.е. все учреждения, косвенно или непосредственно направленные на замену вымирающего поколения новым, следовательно, относящиеся к воспроизведению: половые отношения, брак, семья и т. д.

Необходимо отметить с самого начала, что для этой области нет особого технического термина. Для тех социологических явлений, которые мы трактовали в «Фазах культуры», мы располагаем обобщающим словом хозяйство, или эконómия; напротив, до сих пор не установлено научного термина, который обозначал бы всю совокупность явлений, соприкасающихся с воспроизведением. Чтобы восполнить этот пробел, который постоянно тяжело отражался бы на изложении, мы будем, по аналогии с словом эконómия, употреблять термин генеонómия ²⁾.

Как эконómия (в социологическом смысле) есть совокупность всех явлений, связанных с производством **потребительных стоимостей**, так генеонómия есть совокупность всех социологических явлений, которые непосредственно или косвенно соприкасаются с производством **людей** (подобный перечень этих явлений мы сейчас дадим во II главе).

Нет никакой случайности в том, что у социологии воспроизведения нет даже особого названия; социологическая разработка генеонómии все еще не пошла дальше первых зачатков. Несмотря на блестящие и ценные подготовительные работы (Бахофен, Морган, Колер, Пост, Лёббок, Мак-Ленан, Даргун, Плосс, Спенсер, Гельвальд, Бастиан, Жиротелон, Липперт, Вилькен, Бернгёфт, Ратцель, Ахелис, Шурц, Кунов, Старке, Вестермарк, Гроссе, Фрэзер и многие другие), генеонómия (в противоположность эконómии) еще не вышла из детского возраста. Причина этой отсталости генеонómии, несомненно, лежит отчасти в том, что в области половых отношений господство инстинктов и предрасудков до последнего времени было в особенности сильно: генеонómический фанатизм—самый сильный непосредственно после религиозного.— Но, пожалуй, еще более важная причина лежит в той (кажущейся) неправильности, с какою шло генеонómическое развитие. В то время, как в экономической области стойко удерживается всякая раз завоеванная экономическая или техническая выгода, и таким образом скла-

¹⁾ См. между прочим «Phasen der Kultur», стр. VI.

²⁾ Если я не ошибаюсь, выражение «генеонómия» уже применялось Эрнстом Гекелем. Проще всего было бы назвать три моих книги по социологии воспроизведения так: Генеонómия I, II и III. Но так как выражение «генеонómия» еще не получило прав гражданства, то я должен воспользоваться иными заглавиями.